

Мечтая в юности о романтике морских дорог, Владимир Олешкевич стал первопроходцем других маршрутов — таежных

Лесная наука и лесохозяйственная практика требует, чтобы раз в 10-15 лет территорию обследовали лесоустроители. Именно поэтому за свои сорок с лишним лет, отданных лесам Сибири, начальнику производственного отдела филиала ФГУП «Рослесинфорг» «Востсиблеспроект» Владимиру Олешкевичу не раз приходилось возвращаться в места, где он начинал свой трудовой путь как таксатор.

Одно из таких возвращений произошло два года назад: в национальном парке «Шушенский бор» проводились лесоустроительные работы нового свойства и значения. От лесоустроителей требовалось создать на базе этой особой живописной территории своеобразный туристический оазис.

Сколько сил и нервов пришлось потратить ему и его коллегам тогда, в далеком 1995 году, чтобы узаконить превращение скромного лесхоза в национальный парк, первый в регионе. Вновь пройдя по хоженным тропам, оценив опытным взглядом увиденное, он считает, что затраченные нервы и силы не пропали даром.

Национальный парк как форма организации лесной территории состоялся, развивает свою инфраструктуру, стал местом массового активного отдыха и туризма, получил известность далеко за пределами Сибири.

Испытание гнусом

Начинать же свой путь на лесной стезе молодому специалисту довелось в далеком 1969 году. Олешкевич хорошо, до малейших деталей помнит первый полевой сезон, когда с новеньким дипломом инженера лесного хозяйства, проехав полстраны и едва устроившись в Красноярске, он оказался в лесоустроительной партии. И не где-нибудь, а на Ангаре, в Мотыгинском районе — именно там предстояло оценить лесосырьевую базу строящегося Усть-Ангарского комплексного леспромхоза.

Вообще-то, Белорусский технологический институт Владимир Олешкевич выбрал случайно. Выпускнику средней школы все профессии были, как говорится, на одно лицо. Если что и манило, так это море, почерпнутая из книг и кинофильмов романтика дальних походов, клеши и бескозырки моряков. Но по семейным обстоятельствам далеко от дома отрываться было невозможно. Ближе других оказался тот самый Белорусский технологический — так он и стал студентом лесохозяйственного факультета этого вуза. Все та же романтика дальних дорог подтолкнула выбрать специальность инженера-лесоустроителя, тоже ведь покорителя моря, но другого — зеленого, таежного.

Впрочем, больше половины выпускников его курса изъявили желание пойти в лесоустройство, и все рвались в Сибирь, край необъятных просторов, грандиозных планов и светлого будущего, о чем писали тогда в стихах и пели в задорных комсомольских песнях. На распределении ему предложили место помощника таксатора во 2-й Красноярской лесоустроительной экспедиции. Именно это первое полевое лето в глухой тайге и определило судьбу.

— Мне повезло: сразу, без раскочки я погрузился в атмосферу настоящей мужской работы, у меня к тому же оказались опытные наставники, например, инженер-таксатор Геннадий Николаевич Емельянов, — вспоминает Владимир Николаевич. — Сначала пришлось поработать помощником таксатора. Помню, первый объект лесоустройства поражал размерами: участок тайги растянулся на 40 километров вдоль Ангары, одних только просек и визиров пришлось прорубить около 500 километров.

Многое довелось Олешкевичу испытать впервые, особенно трудно было привыкнуть к рою таежного гнуса. Опыт и сноровка пришли быстро, и уже вскоре его назначили руководителем таксаторской группы, перебросив на правый берег Ангары.

Он получил в свое распоряжение моторную лодку с мощным «Вихрем» и гордо бороздил на ней ангарские воды, ощущая себя моряком, тем более что и ширина реки достигала нескольких километров. Из тайги выходили глубокой осенью, в начале ноября, уже по снегу. Первый полевой сезон навсегда отпечатался в его памяти как послевузовская трудовая школа, которая окончательно убедила в правильном выборе профессии.

Так, начав от устья Ангары, где она соединяется с Енисеем, Владимиру Николаевичу пришлось пройти с лесоустроительными партиями по обоим ее берегам. Чунский и Манзенский, Терянский и Невонский, Гремучинский и Хребтовский, Кежемский и Богучанский — о любом лесхозе, его фонде, сырьевой базе он может рассказывать, не заглядывая в отчеты. Это, если подсчитать, свыше восьми миллионов гектаров таежных массивов.

На объект с закрытыми глазами

А была еще Эвенкия, весь центр и юг края — еще пара десятков лесхозов. Много пришлось работать в Иркутской области, а самым дальним объектом лесоустройства, куда Олешкевича забрасывала беспокойная профессия, оказалась Магаданская область.

— По густоте тумана и особому запаху хвои могу с закрытыми глазами определить, в какую тайгу я попал, — улыбается Владимир Николаевич.

Еще одним важным участком работы и своеобразными курсами повышения квалификации стал небольшой, но чрезвычайно насыщенный период деятельности в Красноярском управлении лесами. Здесь он оказался по приглашению руководителя той поры Александра Витальева, в самый, наверное, сложный период и для страны, и для лесного хозяйства — в начале 1990-х годов.

Олешкевичу поручили возглавить отдел организации лесопользования и лесоустройства. Вроде бы дело знакомое, отработанное. Однако как раз в это время обрушилась плановая экономика страны, да и державы той не стало, родная Белоруссия и то оказалась за границей.

— Нам пришлось принимать лесной фонд у несостоявшихся и развалившихся комплексных леспромхозов, а на их месте создавать десяток новых предприятий, — продолжает Владимир Николаевич. — Где успевали, там проводили лесоустройство и комплекс сопутствующих мер.

Одновременно закладывалась правовая база под аренду участков с целью лесопользования. Работали на износ, со временем не считались. Справиться помогло то, что в управлении лесами трудились исключительно профессионалы. Да и невозможно тогда было представить, чтобы на ответственных участках или среди руководителей находились люди без соответствующего образования и солидного опыта.

Возвращение в лесоустройство произошло в середине 1990-х годов. Государство все больше отстранялось от управления лесным хозяйством, фронт работы и объемы лесоустроительных работ сокращались, но не останавливались.

— Для нашего предприятия тот период, как ни странно, был весьма плодотворным, — считает Олешкевич. — Мы, лесоустроители и таксаторы, всегда имели объем и фронт работы, равномерно загружали специалистов в полевой сезон, а также в период камеральных работ. Именно тогда нам удалось существенно укрепить материальную базу, привлечь молодежь.

Разведка — впереди освоения

Каждое новое лето для Олешкевича — это наступление очередного полевого сезона, счет которым в районе четвертого десятка. Маршруты как уже проторенные — Нижнее Приангарье, так и новые — тайга Северо-Енисейского района, где лесные массивы на площади больше четырех миллионов гектаров. Приходится идти все дальше на север, искать и находить сырьевую базу для крупных лесопромышленных и деревообрабатывающих комбинатов края.

Уже в начале века перед лесоустроителями одна за другой ставились задачи — «обеспечить» сырьем проектируемые предприятия. Амбициозные планы развития

лесопромышленного комплекса Красноярья стали реализовываться в виде крупных инвестиционных проектов. Целлюлозные и деревообрабатывающие комбинаты в Богучанском и Енисейском районах, Енисейский фанерный комбинат и Ново-Енисейский ЛХК — каждый из них промышленный гигант, намеренный потреблять по миллиону и больше кубометров древесины в год.

При заявленных цифрах расчетной лесосеки 60-70 миллионов кубометров, из которой осваивается едва ли пятая часть, отыскать несколько миллионов — вроде бы сущая мелочь. На деле совсем не так. По крайней мере, Олешкевичу, а через него проходят все проекты освоения лесных территорий нашего края, совершенно ясно, куда следует повернуть вектор освоения.

Да и большинство руководителей инвестпроектов не сразу, но поняли: без разведки и оценки лесных ресурсов рассчитывать на успех не следует. Именно поэтому с большим вниманием прислушиваются к мнению лесоустроителей.

Оптимист по характеру, Олешкевич уверен, что период безответственного отношения к лесному фонду непременно закончится. Предприятие пополняется молодежью, в основном это образованные ребята и девушки, считает Владимир Олешкевич. Из них получатся хорошие специалисты, если, конечно, не засидятся в офисах, приобретут столь необходимый в молодости опыт полевых работ.

Геннадий МИРОНОВ.

Главное здесь — связующая нить поколений, когда можно опереться на плечо наставника, получить из рук в руки бесценный опыт и как-то вдруг почувствовать себя специалистом, на своем единственно верном месте. Как когда-то посчастливилось испытать и нашему герою.